

HARLEQUIN®

110

Дженис Трестон

А
ЕДИ-
БЕСПРИДАННИЦА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Дженис Престон

Леди-бесприданница

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Престон Д.

Леди-бесприданница / Д. Престон — «Центрполиграф»,
2019 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09063-8

Спасти от разорения семейство графа Маккриффа может удачный брак старшей дочери Флоры. Но она посмела отказать распутному герцогу, тем самым вызвав порицание родных и высшего света. Разгневанный отец, не видя другого выхода, решил выдать ее за невероятно богатого, но безродного Лахлана Макнейла, которому нужны связи в высшем обществе. Он, несомненно, красив и умен, но молчалив и не слишком приветлив. Флора всеми силами пытается наладить отношения со своим мужем, и между ними возникает взаимное влечение, в котором они, по разным причинам, никак не могут признаться друг другу...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09063-8

© Престон Д., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дженис Престон

Леди-бесприданница

Janice Preston
His Convenient Highland Wedding

© 2019 by Harlequin Books S.A.

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

* * *

*Ларе Темпл, Элизабет Гоббс и Николь Локк.
Мне было очень приятно работать с вами, милые дамы.
Благодарю вас.*

Пролог

Декабрь 1841 года – замок Маккрифф в Нагорье Шотландии

– Но... отец... я могу помочь... Я придумала...

– Вон!

Отец не поднял руку на дочь, но от его рыка Флора содрогнулась. Младший брат Дональд, стоявший за спиной родителя, скорчил насмешливую гримасу. Отец прислушается к мнению сына лишь потому, что Дональд – мужчина и будущий глава семьи. Правда, это не добавляло ему ума, идеи его всегда глупы. Так, однажды он подбил двух младших сестер – Эйлин и Майри – отправиться исследовать затонувший корабль, который прибило к берегу в соседней бухте. Он не подумал о том, что отлив лишит их возможности вернуться домой. Если бы не Флора, которая заметила долгое отсутствие детей и opravилась на их поиски, все трое могли бы утонуть.

Но ее заслуги отец не признал.

Не сказав больше ни слова, она вышла из кабинета и закрыла за собой тяжелую дверь. Если отец принял решение, изменить его уже не удастся. Гнев переполнял его, и Флора чувствовала, что отцу все сложнее держать себя в руках. Она поспешила уйти, прежде чем он потеряет контроль над собой.

Финансовые проблемы, усугубляемые медленным, но неуклонным бегством арендаторов из Шотландии в поисках счастья в Америке и Канаде, сделали отца более вспыльчивым, чем когда-либо.

Флора была уверена, что могла бы помочь отцу, если бы только он ее выслушал. Она видела способы найти средства для семьи и ремонта замка – родового поместья Маккриффов и их предков. Но никто никогда не прислушивался к ее мнению, ей лишь отдавали распоряжения. Так было теперь и всегда. «На девочек лучше смотреть, чем их слушать» – любимое выражение отца. Мама ему никогда не перечила. И все же Флора была уверена, что в одном ее мизинце ума больше, чем во всей голове Дональда. Ему было одиннадцать – всего на год меньше, чем ей, – но казалось, он лет на пять моложе сестры.

В нерешительности Флора остановилась посреди зала, занимавшего большую часть первого этажа, где в огромном камине с резным каменным порталом постоянно горело пламя – днем и ночью, зимой и летом. Замок и сегодня оставался таким же, как много веков назад, когда был только построен, изменилось в нем совсем немного. Флора поежилась. Возможно, это странно, но иногда ей казалось, что она ощущала присутствие своих далеких предков. Их радость и страдания, их страсти, их ярость и смех – все их чувства поглощены этими массивными каменными стенами, местами закрытыми старыми выцветшими гобеленами.

– Вот ты где, девочка моя. – Из кухни выбежала кухарка Мэгги с подносом в руках. – Не могла бы ты отнести это матери и сестрам? Нам еще надо приготовить кучу еды к ужину.

Не дожидаясь ответа, она сунула Флоре поднос с тремя плошками бульона и тарелкой с румяной лепешкой, развернулась и быстро умчалась прочь.

Флора вздохнула.

Она совсем не против помочь Мэгги, но как же надоело, что все смотрят на нее свысока.

«Когда я выйду замуж, стану настоящей леди, буду хозяйкой в своем доме, и каждый станет меня слушаться, принимать в расчет мое мнение и уважать мои желания».

Флора любила мечтать об этом времени. Как старшая дочь графа, она выйдет замуж за человека высокого положения, получит титул графини, а может, даже герцогини.

Осторожно поднявшись по лестнице, Флора направилась в покои матери, где сейчас находились младшие сестры, которые еще не вполне оправались после инфлюэнцы. Девочкам уже

гораздо лучше, но они еще слабенькие, нет сил на игры, поэтому они сидят у огня и слушают, как мама им читает.

Бульон и лепешка были благополучно доставлены, Флора вышла из комнаты и остановилась в нерешительности. На улице холод пробирал до костей, порывистый ветер гнал с моря грозные тучи. Стоит ей спуститься вниз, как Мэгги непременно найдет, чем ее занять.

Чувство досады после разговора с отцом в кабинете не оставляло Флору. Повернувшись спиной к лестнице, она пошла по коридору и остановилась у окна, чтобы полюбоваться холмами на востоке. Величественные, но пустынные, они навевали тоску. От этого Флоре стало зябко, и она плотнее запахнула шаль.

Опустив взгляд, она увидела отца в теплом длинном черном пальто, шествующего через двор к конюшням, за ним ковылял Дональд, отчаянно старавшийся быстрее переставлять короткие ноги. Горечь обожгла горло. Почему все самое интересное позволительно только Дональду? Он подхалим, всегда лебезит перед отцом и старается унижить Флору. Он завидует ей – вот в чем дело. Она развернулась и побежала по коридору, свернула за угол и остановилась у входа в Большую башню. Входить туда запрещалось. На двери висел большой замок, и на ее памяти туда поднимался только отец, а до него его отец. Он говорил, что в башне опасно, и непозволительно находиться даже прислуге. Флора знала, где хранится ключ, в прошлом году она подглядела, как отец брал его из деревянного сундука, стоявшего в нише дальше по коридору. Еще она видела, как отец входил внутрь. Флора вспомнила об этом недавно: катаясь на пони, она посмотрела на башню и заметила в оконном проеме силуэт человека, он поднял руку и провел по волосам – жест был ей хорошо знаком.

Значит, подниматься в башню не так уж опасно, раз это делает отец.

Флора решительно направилась к сундуку и подняла крышку. Сверху в куске ткани в коричневую с лиловым и болотно-зеленым клетку – цветами Нагорья, как любил говорить отец, – лежал тяжелый железный ключ. Она взяла его, захлопнула крышку и огляделась. Никого. Сегодня в замке особенно тихо, даже немного жутко.

Стоило Флоре подумать об этом, как сбоку на нее стала надвигаться тень. Сердце подпрыгнуло к самому горлу, девушка прижала ключ к груди и с опаской посмотрела на окно. По небу ползла огромная черная туча, закрывая собой солнце. Флора тихонько засмеялась глупой мысли о том, что отец как-то узнал о ее проступке и недоволен ее непослушанием. Но отца нет в замке. Он ничего не знает.

Флора стояла неподвижно, переживая душевную борьбу. Внутренний голос напоминал, что неповиновение отцу может привести к суровому наказанию, но что-то призывало ее действовать. Флора не понимала, в чем причина этого внутреннего призыва. Сосредоточенно нахмурившись, она размышляла, наконец решила и расправила плечи; башня манила ее, будто звала. Флора бросилась к двери, вставила ключ в замок и решительно повернула его.

Перед ней была совершенно темная комната без окон, разглядеть что-либо было возможно лишь благодаря полоске света из коридора. Воздух затхлый, никакой мебели, ничего, справа еще одна дверь. Касаясь кончиками пальцев холодного грубого камня, Флора подошла к ней, пригляделась – дверь не была заперта. Глубоко вздохнув, она отодвинула щеколду. Железо лязгнуло, вновь разбудив утихшие страхи. Она распахнула дверь. Теперь перед ней была лестница с каменными ступенями, ведущими на самый верх.

Оттуда же проникал тусклый свет, сделавший путь немного легче. В тишине было слышно ее прерывистое дыхание и, кажется, даже удары сердца. На последней ступеньке она остановилась и разочарованно оглядела встретившее ее пустое помещение. Никакой тайны.

Флора вздохнула и подошла к окну, некогда узкому, но позже специально увеличенному и расширенному. Она смотрела вниз на холмы, оловянно-серые озера и шапки снега на горных вершинах севернее. Внезапная мысль о том, что в этом же окне она видела отца, заставила ее отойти дальше в центр комнаты.

Флора огляделась и с удивлением поняла, что помещение не совсем круглое, хотя снаружи башня, несомненно, была таковой. Изгиб стены напротив окна был иным. И почему часть ее прикрыта гобеленом? Кому он нужен в заброшенной башне?

Выцветшие краски рисовали картину сражения – мужчины с мечами и старинными клейморами¹ на фоне величественного замка – одно из жестоких сражений между кланами, знакомый сюжет из летописей. Без колебаний она отодвинула полотно. Пыль разлетелась в стороны, пришлось зажать пальцами нос, чтобы не чихнуть.

Через несколько мгновений Флора открыла глаза, на них мгновенно навернулись слезы, а сердце сдавило, и стало невыносимо совестно за содеянное. Не выпуская гобелен, она потеряла глаза и увидела прямо перед собой простую деревянную дверь. Открыв ее, она проскользнула в небольшое помещение, где было достаточно светло благодаря высоким и очень узким окнам, бывшим некогда бойницами; отсюда давным-давно ее предки обстреливали врагов.

Взгляд скользнул вниз, к полу. Крик вырвался прежде, чем она успела зажать рот ладонью. Первым желанием было скорее убежать, однако ноги будто приросли к полу.

Флора смотрела на скелет, лежащий на каменном выступе стены, местами еще сохранились фрагменты покрывавшей его материи. Флора не могла отвести от него взгляд.

Она жадно глотала воздух, нарушая тишину своим громким дыханием.

Надо быстрее уйти отсюда и забыть о страшной картине. Неожиданно тучи на небе открыли миру солнце, его луч упал на клочки ткани на костях скелета, и в них что-то блеснуло. Предмет привлек внимание Флоры. Дрожащие пальцы потянулись к нему. Ощувив холод металла, Флора вздрогнула и очнулась.

Развернувшись, она опрометью бросилась прочь и остановилась, только оказавшись в своей комнате. Там она забралась на кровать, положила голову на поджатые колени и, обхватив их руками, дала волю слезам. Руки сами собой сжимались в кулаки; она пришла в себя, лишь когда нечто больно кольнуло ладонь.

Флора посмотрела на правую руку, в которой, оказывается, что-то сжимала. Она медленно раскрыла ладонь и принялась рассматривать предмет, который в панике унесла из башни, – причудливую серебряную брошь. Флора встала с кровати и подошла к окну, чтобы лучше разглядеть находку. Небольшой диск был украшен выполненными из серебра веточками растения, которое она сразу узнала, – армерия. На их фоне два скрещенных меча образуют букву Х, слева и справа еще две – Р и А.

Тут Флора заметила на ладони капельку крови, видимо, укололась булавкой. Она поднесла ладонь ко рту, слизнула кровь, и в следующее мгновение голова ее закружилась, висок пронзила острая боль. Флора закрыла глаза, прижала руки к груди и стояла так, пока не пришла в себя. И снова принялась разглядывать брошь. В задумчивости потерев ее большим пальцем, Флора почувствовала, как на нее, словно благословение свыше, сходят покой и умиротворение. Тогда она дала себе слово сделать все, чтобы разгадать тайну башни.

Флора завернула брошь в носовой платок с монограммой и убрала сокровище на дно ящика в шкафу. Не будь этой клятвы самой себе, она все равно не решилась бы вернуть украшение обратно: одно воспоминание о скелете повергало ее в ужас.

Отец должен знать о нем. Чей это скелет? Почему лежит в их башне? Флора спохватилась и вспомнила, что, убегая, оставила дверь открытой. Необходимо запереть ее, пока никто не узнал, что она там была. И больше она никогда не пройдет даже мимо входа в Большую башню.

Но и никогда не забудет того, что там видела.

¹ Клеймор – особый тип двуручного меча. (Примеч. ред.)

Глава 1

Октябрь 1848 года

При виде высокого, широкоплечего мужчины у алтаря по телу девушки пробежала дрожь. Флора Маккрифф с отчаянием посмотрела на отца, графа Абервильда, который крепко держал ее под руку, пока они шли от замка до церкви.

– Отец...

Твердый взгляд зеленых глаз вызывал трепет. Отец не слишком деликатно подтолкнул ее к крыльцу. Подальше от себя, чтобы не видеть. И не слышать.

– Я больше не позволю тебе опозорить меня, Флора, – прошипел граф. – Ты поняла? – Он отстранил ее руку. – Ты сделаешь так, как я велю, ради семьи и нашего клана. Подумай о брате и сестрах, ты обязана поступить так ради них.

К горлу девушки подступила тошнота, и ей пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы справиться с ней. В голове не переставали крутиться мысли, ум пытался отыскать один из тех убедительных аргументов, которые она подготовила заранее в своей комнате перед предстоящим венчанием с человеком, которого она никогда не видела. Чье имя она узнала в воскресенье, всего два дня назад, тогда же отец сообщил о предстоящей свадьбе.

О бракосочетании уже было объявлено, и стало понятно, почему последние три недели ей запрещалось по воскресеньям посещать церковь.

– Отец... пожалуйста...

Она спрашивала себя, почему не сбежала, когда у нее был шанс?

Впрочем, ей негде и не у кого было бы укрыться. Флора еще не могла оправиться от шока, связанного с тем, что будущее ее предрешило и распланировано. Сердце сдавила боль.

– Нет. Ты сделаешь так, как тебе велят, дочь, ты выйдешь за Макнейла. Ты не захочешь испытать последствия моего недовольства, если посмеешь не повиноваться.

По лицу Флоры потекли слезы. Отец вздохнул, отпустил ее руку и быстрым движением смахнул слезы со щек.

– Надо, чтобы ты это сделала, Флора. Макнейл ищет высокородную жену, и он достаточно богат, чтобы взять тебя без приданого. – Он откашлялся и опасно покосился на дверь церкви. – А еще обещал найти деньги на ремонт крыши замка. Ты же знаешь, что она протекает уже во многих местах. И он обеспечит приданое Эйлин и Майри. Ты же хочешь, чтобы младшие сестры нашли достойную партию? Помни, ты в долгу перед нами после того случая с Галкирком.

Неужели у нее есть шанс получить прощение семьи за то, что она подвела их в прошлом году? Прекратят ли они постоянно обвинять ее, если она подчинится отцу? И все же невыносимо больно осознавать, что к тебе относятся как к племенной кобыле, ждут, что принесешь себя в жертву и проведешь остаток жизни с человеком, которого совсем не знаешь.

Лахлан Макнейл – ее жених. Богатый человек, промышленник. И простолюдин – жалкая доля для старшей дочери графа, хоть и обедневшего. Внутренний голос дразнил ее, говоря, что большего она не заслужила. В прошлом году она открыто высказала свое мнение о герцоге Галкирке, последствия этого стали катастрофическими. С того дня Флора старалась помалкивать. Так безопаснее.

Флора глубоко вздохнула, сглотнула ком в горле и кивнула. Отец улыбнулся, поправил вуаль и предложил ей согнутую в локте руку, а не схватил, как раньше. Они вошли в церковь и двинулись по проходу к алтарю, где их ждал Лахлан Макнейл.

Флора продолжала размышлять, и с каждой секундой ей становилось все страшнее. Какой нормальный мужчина возьмет в жены девушку, которую никогда не видел, да еще заплатит за

нее? Вот она уже перед алтарем и может разглядеть жениха хотя бы в профиль. Его облик ей понравился.

Традиционный свадебный камзол сидел на нем отлично и подчеркивал фигуру – наряд, достойный джентльмена. Черные волосы густые и хорошо подстрижены, а бакенбарды не такие пышные, как предпочитают некоторые мужчины. Выразительная нижняя челюсть, сдвинутые брови над резко очерченным прямым носом придавали Макнейлу вид грозный и неприступный. Но интуиция подсказывала Флоре, что ей не стоит бояться этого человека. В этот момент началась церемония, и грустные мысли вылетели у нее из головы.

Увидев невесту, идущую по проходу под руку с отцом, Лахлан Макнейл не мог поверить своей удаче. Ее осанка была идеальной, а фигура... восхитительной. Лиф сшитого по моде платья с широкой юбкой подчеркивал узкие плечи, пышную грудь и тонкую талию. Рядом с мощным отцом Флора Маккрифф выглядела маленькой и хрупкой, а когда она встала слева, он заметил, что она едва достает ему до плеча.

Правда, Лахлан еще не видел лица невесты, но фигура была прекраснее, чем он мог мечтать. Но возможно, у нее некрасивое лицо. Или она сварлива. По какой причине отец отказался познакомить их до дня венчания? Вместо этого граф пожелал, чтобы жених явился в замок Лохмор – будущий дом Лахлана – для обсуждения деталей брака.

Когда они произнесли обеты, Макнейл повернулся к жене и поднял вуаль, уже почти готовый к худшему. Из груди невольно вырвался вздох облегчения, когда он увидел огромные зеленые глаза под бровями цвета каштана, веснушки, разбросанные по аккуратному носу и щекам и подчеркивающие бледность кожи. Из прически выбился и упал на плечо рыжий локон. От нее исходил чудесный аромат, какой бывает в цветущем апельсиновом саду. Девушка неожиданно покраснела.

Лахлан внутренне возликовал: «Господи, как она прекрасна!»

Его бросило в жар, он, как замороженный, смотрел в зеленые глаза и не мог оторваться, мысли в голове путались. Он осторожно взял ладонь Флоры, чтобы положить на свою руку. Она оказалась такой миниатюрной и нежной, что Лахлан Макнейл впервые усомнился в правильности решения жениться на аристократке с полезными связями в высшем обществе, так необходимыми ему для успешного развития производства виски. Он не подозревал, что, столкнувшись со столь юным, изящным, очаровательным и чистым созданием, к тому же такой красавицей, он еще отчетливее ощутит, каким грязным и отвратительным было его собственное прошлое. Рядом с Флорой Маккрифф он выглядел неуклюжим и неотесанным олухом. Что у него может быть общего с этой утонченной леди? Она никогда по-настоящему не примет человека, который скрывается за блестящим фасадом?

Краем глаза Лахлан заметил людей в проходе. Его новые родственники – лорд и леди Абервильд и трое их младших детей – окружили молодоженов, и тесть уже пожимал ему руку.

– Вы согласитесь перекусить с нами и отпраздновать венчание, прежде чем отправиться в путь?

– Да, благодарю.

– Замок всего в нескольких шагах от церкви, можно вполне обойтись без кареты.

Они пошли пешком – впереди Абервильд и Лахлан, за ними Флора и все остальное семейство. Молодой муж с удовольствием бы прогулялся с женой, но она коротко дернула головой, давая понять, что ему стоит прислушаться к желаниям отца. Несложно догадаться, что граф ожидает беспрекословного подчинения от всех членов семьи.

Замок Маккрифф оказался величественным строением с огромными башнями и широкой каменной лестницей, ведущей к парадной деревянной двери. Внутри были сразу заметны попытки придать помещениям более современный вид: стены оштукатурены, пол кое-где покрыт коврами.

Все пришедшие сразу скрылись в боковой комнате, но Абервильд встал рядом с Лахланом и положил руку ему на плечо.

– Здесь все кажется тебе старомодным, если сравнивать с Лохмором, не так ли?

Лахлан пожал плечами.

– Теперь у вас будут средства на ремонт и усовершенствования.

– Да уж, пожалуй, – ухмыльнулся граф.

– А я ожидаю, что вы поможете мне найти покупателей виски «Карнмор».

Единственная причина, по которой он женился на Флоре Маккрифф, – связи в кругу аристократов, которые помогли бы его бизнесу.

– Да. Замолвлю за тебя словечко, когда выдастся удобный момент. – Тесть медленно отвел взгляд, что заставило Лахлана усомниться в его намерениях. – К тому же рядом с тобой будет Флора, она поможет. А теперь, Макнейл, иди к семье, я присоединюсь к вам чуть позже.

Граф спешно удалился, а Лахлан подошел к двери комнаты и остановился, услышав слова леди Абервильд.

– Ах, Флора, если бы ты не отвергла герцога. Твое упрямство всегда приносило тебе вред. Смотри же, теперь ты замужем за простолюдином.

Появление в комнате Лахлана положило конец разговору. Флора подняла на него глаза, в которых стояли слезы, а ее мать – бледная и осунувшаяся – казалась чрезмерно взволнованной. Ну и дела. Как она смеет расстраивать дочь своими злобными замечаниями? Да еще и в день свадьбы.

Никто даже не поднял бокал вина за их будущую совместную жизнь, не пожелал им счастья. Видимо, эти люди считают, что у них нет повода для радости. Конечно, дочь графа вышла замуж за Лахлана Макнейла. Что ж тут праздновать?

Вскоре появился Абервильд, и Лахлан сразу понял, что верно оценил главу семьи как человека сурового и властного, требующего беспрекословного подчинения. Граф говорил беспрерывно, остальные члены семьи не успевали ничего сказать, лишь коротко соглашались. Лахлан много раз встречался с таким типом людей, они, словно быки, давили своим весом всех, кто вставал на пути, так продолжалось до тех пор, пока не появлялся тот, кто находил в себе решимость противостоять. Похоже, никто в этой семье не наделен смелостью в такой степени. Только, пожалуй...

Лахлан украдкой посмотрел на жену, сидевшую рядом с потупленным взглядом. Она отказала герцогу. А в ней больше решимости, чем кажется.

К счастью, Абервильд вскоре поднялся с места.

– Уверен, ты спешишь отправиться в путь, чтобы добраться до дома до наступления ночи, Макнейл.

У крыльца молодоженов ожидала карета Лахлана. Граф махнул рукой, из выстроившейся в ряд прислуги выступила женщина с корзиной.

– Мэгги приготовила вам еду в дорогу.

Лахлан сделал знак кучеру:

– Баркли, поставь в экипаж, пожалуйста.

Флора сдавленно всхлипнула и слегка сжала пальцами его руку. Впрочем, выражение ее лица не изменилось, хотя он видел, что грудь ее часто вздымается и она с трудом сдерживает эмоции. Лахлан накрыл ее руку своей и пожал. Он взял ее в жены, чтобы оберегать и заботиться, и обязательно это исполнит.

Лахлан некоторое время наблюдал за родными Флоры и заметил напряжение, которое не смог объяснить. Они расстроены, что дочь и сестра их покидают? Но прощание и поцелуи их были весьма сдержанными. Должно быть, так принято у аристократов.

А в его семье всегда было много шума и любви, пока нищета и голод не сломили их.

Лахлан помог Флоре подняться в карету. Она тихо поблагодарила, помахала провожающим, затем откинулась на спинку и невозмутимо смотрела в окно, пока они не выехали за пределы поместья.

* * *

– Почему вы не вышли за герцога?

Лахлан думал об этом с той поры, как услышал слова леди Абервильд.

Флора вздрогнула так явно, что это нельзя было не заметить. Его вопрос застал ее врасплох, всю дорогу они молчали и даже не взглянули друг на друга – оба смотрели в окно, каждый со своей стороны кареты.

Он ждал, но жена не спешила с ответом. Может, уже пожалела, что вышла за него? Разочаровалась в нем? Губы изогнулись в кривой ухмылке. Конечно, разочаровалась. Он для нее простолюдин из трущоб Глазго, пусть и разбогатевший. Едва ли о таком муже мечтает девушка ее круга, тем более отказавшая герцогу.

– Так почему?

– Герцог Галкирк просил моей руки в прошлом году. Я ему отказала.

Флора говорила на удивление спокойно, с легким шотландским акцентом, не таким резким, как у жителей Глазго, к которому он привык с детства, а более мягким, похожим на нежный утренний бриз. Тот, что летал над холмами и приносил аромат вереска, приходя на смену суровому морскому ветру, который часто властвовал над Лох-Аррис и атаковал замок Лохмор.

Она подняла на него зеленые глаза, несколько мгновений изучала лицо, затем опустила голову, остановив взгляд на сложенных на коленях руках в перчатках.

– Почему вы отказали?

Флора закусила нижнюю губу, зубы у нее были белоснежными и ровными, и покачала головой.

– Это не важно. Ведь теперь мы женаты. – Она вновь задержала на его лице пылкий взгляд, затем отвернулась к окну и продолжила изучать пейзаж.

Лахлан же воспользовался возможностью лучше разглядеть жену.

Жену! Как странно звучит. Он женат. Он, который привык гордиться тем, что никому не нужен, разве он не доказал это всем за прошедшие четырнадцать лет? У него не было ничего, кроме его воли и острого ума, только на них он мог положиться в жизни. И ему удалось многого добиться. Прежде всего – выбраться из болота отчаяния, которое сломило дух многих и погубило окончательно.

Им, несомненно, удастся привыкнуть друг к другу и построить хорошие отношения в этом браке по расчету. Возможно, Флора скоро родит ребенка, и все ее внимание будет сосредоточено на нем и заботах о хозяйстве, он же сможет спокойно заниматься делами и поисками Анны. Мысли о единственной оставшейся в живых сестре терзали его сердце, заставляя испытывать чувство вины.

Где она может быть? Лахлан искал ее с того дня, как вернулся в Шотландию. Если бы он вернулся домой раньше, если бы не посвятил всего себя одной цели – добиться успеха в жизни. Если бы только...

Он глубоко вздохнул и вновь сосредоточился на молодой жене.

Она производит впечатление девушки скромной, даже покорной, но... все же должна быть сильной духом, раз осмелилась отказать герцогу. Лахлан нахмурился. Может она оказаться человеком с двойным дном? Нет, прочь догадки. Они – два незнакомых человека – связаны до конца жизни клятвами. Надо узнать Флору, прежде чем делать выводы.

Лахлан принялся тайком разглядывать жену. Он понятия не имел, как вести себя с леди, тем более с той, которая принадлежит теперь ему телом и душой.

– Простите?

Она что-то сказала. Или ему показалось? Погруженный в свои мысли, он пропустил ее короткое замечание.

– Куда мы едем?

Простой вопрос вызвал в душе Макнейла бурю эмоций. Весь долгий путь он думал только о себе и своих проблемах и даже не потрудился объяснить молодой жене, которая, между прочим, его совсем не знает, куда он ее везет.

– Домой, – ответил Лахлан.

Флора нахмурилась.

– И как далеко дом?

Лахлан выглянул в окно. Береговая линия осталась позади; они двигались на юг от Лох-Макри и миновали долину Килмакри-Глен, граничащую на западе с океаном, которого сейчас не было видно, а на востоке с зелеными холмами, болотами и низинами. За окном показались высокие менгиры – исполинские камни, – он помнил, что море покажется, лишь когда они свернут с главной дороги и двинутся на юго-запад, к обрыву, на котором и стоит Лохмор.

– Около двух часов. Может, немного больше.

Флора низко опустила голову и коснулась пальцами броши на дорожном плаще.

– Откуда у вас эта брошь?

Она вскинула голову слишком быстро и столь же спешно закрыла украшение ладонью.

– Она моя.

– Я и не сомневаюсь. Но раньше ее на плаще не было.

Флора покраснела, и он вспомнил, как дрожала ее рука, когда она садилась в карету.

– Я не отберу ее, – произнес он, стараясь говорить мягче. – Не думал, что безобидный вопрос вызовет такую реакцию.

Он улыбнулся, желая сгладить возникшую между ними неловкость.

– Она была у меня в кармане. Отец сказал: для свадебного наряда она не подходит.

– Можно посмотреть? – Он протянул руку и сразу отдернул, заметив, как Флора вздрогнула.

– Вы меня боитесь?

Зеленые глаза смотрели теперь прямо на него.

– Немного.

– Ваш отец человек строгий?

– У него четкие представления о хорошем поведении. – Глаза ее сверкнули, прежде чем их скрыли пушистые ресницы. – Я не всегда вела себя так, как он хотел.

– Например, отказали герцогу. И отец разозлился? Наказал?

– Они все разозлились. Я их опозорила, – добавила она шепотом.

– Вот что я скажу вам, леди Флора Макнейл. Я не сторонник телесных наказаний. – Их он видел немало на борту судна, перевозившего осужденных преступников, а позже в колонии в Новом Южном Уэльсе. – И вам не нужно бояться, что я подниму на вас руку. – Он опустил ладонь на ее колено. – Даю слово.

Флора выдохнула и немного расслабилась.

– Благодарю.

Мышцы ее ноги под ладонью были сильно напряжены. Может, это связано с предстоящей ночью? Она, несомненно, девственница, возможно, даже не знает, что ждет ее на брачном ложе. Говорила ли с ней об этом мать? Развела ли ее страхи?

Лахлан поспешил убрать руку. Он не знал, какие слова подобрать, чтобы не смутить и не напугать ее еще больше. Остается надеяться, что после первой брачной ночи жена сама успокоится и будет лучше себя чувствовать в его обществе.

Чем дальше Флора удалялась от дома, тем сильнее ныло ее сердце. Спазм сковывал горло, и слезы, которые она с трудом сдерживала, готовы были вырваться наружу. Да, родные в последнее время были обижены на нее, осуждали за неподобающее поведение, но она любит их.

– Вы не проголодались? – прервал ее размышления Лахлан. – За праздничным завтраком вы почти ничего не ели. Могу дать сигнал кучеру ненадолго остановиться.

У него хорошая речь, пожалуй, лишь слишком резкий шотландский акцент. Она была готова отказаться, лучше поскорее добраться до замка и вырваться из тесного экипажа, где они вынуждены сидеть слишком близко; но в последнюю секунду подумала, что, должно быть, Макнейл сам голоден.

– Пожалуй, было бы кстати.

Она не сможет проглотить ни кусочка, но глоток воды пошел бы ей на пользу.

Лахлан несколько раз ударил в потолок кареты, и через несколько минут она свернула на обочину. Он выскочил первым, опустил ступеньку и протянул руку Флоре. Она невольно еще раз отметила, что у него мощная, крепкая фигура, и, несмотря на удрученное состояние, подумала о предстоящей брачной ночи.

Кучер принялся осматривать лошадей, а ее муж поспешил к задней части экипажа, чтобы взять корзину, заботливо приготовленную Мэгги.

– Если хотите... – Лахлан махнул в сторону куста недалеко от дороги.

Щеки Флоры стали пунцовыми.

– Нет, благодарю. Я... мне просто нужно размять ноги.

Он кивнул, и она пошла назад вдоль дороги, любуясь живописным пейзажем – долиной, окаймленной холмами с причудливым узором речушек и ручейков. Вокруг никого – ни хижин, ни домов, ни одного признака присутствия людей.

Теперь она леди Флора Макнейл. Совсем не о таком титуле она мечтала далеко в прошлом. Кого же в этом винить?

Флора усмехнулась: она поступила верно, отказав герцогу, интуиция подсказала ей решение еще до того вечера, накануне объявления об их помолвке, когда стала очевидна его натура отъявленного распутника. Возмущенная его поведением, Флора публично заявила об этом, даже не подумав в тот момент, как отчаянно семья нуждается в деньгах.

Особенно острыми финансовые проблемы стали после потери всего урожая картофеля. Родители, брат и сестры, не говоря уже об остальных членах клана, гневались на нее, всячески угнетали, и вскоре обстановка стала для нее почти невыносимой. Флора замкнулась в себе и без возражений выполняла все больше и больше обязанностей по хозяйству.

Сейчас тот же внутренний голос, подтолкнувший отказаться от брака с Галкирком, подсказывал, что Макнейл – хороший человек и никогда не обидит ее. Однако последние двенадцать месяцев жизни доказали, что бывают наказания и хуже телесных. По крайней мере, брак положил конец унижительному и оскорбительному существованию, мукам совести, пришедшим после осознания, что она подвела семью.

Как часто она будет видеть родных в будущем? Отец требовал от членов семьи беспрекословного и полного подчинения. Он уже продемонстрировал, что способен полностью вычеркнуть из жизни родного человека, – прекратил всякое общение с сестрой Тессой, которую отправили к родне в Глазго после того, как она пошла против воли их отца, деда Флоры, и отказалась выходить замуж за герцога Лохмора. Дед и отец так и не простили ее. Флора даже не была с ней знакома. В результате вместо того, чтобы поспособствовать окончанию вражды Маккриффов с Лохморами, Тесса невольно сделала пропасть между кланами непреодолимой.

Флора оглянулась и посмотрела на Лахлана, говорившего о чем-то с кучером. Он – ее будущее, но во многом от нее зависит, будет ли оно счастливым. Надо идти вперед и не оглядываться на прошлое. Она медленно повернулась и пошла к карете. Нельзя, чтобы Макнейл пожалел, что женился на ней, она постарается сделать его счастливым. Означает ли это необ-

ходимость слепо подчиняться мужу, как мама отцу? Едва ли она выдержит долго подобный брак. Флора отчетливо поняла, что собственное будущее в ее руках. Она будет действовать медленно и осторожно, пока не узнает мужа лучше.

Флора подошла к Лахлану – карие глаза под густыми черными бровями смотрели прямо на нее. Порыв ветра принялся трепать полы ее плаща, и она прижала их руками. На ней был свадебный наряд – старое платье мамы из белого шелка с хонитонским кружевом, не о таком она мечтала, но ведь и свадьба ее лишена красоты и романтики. Это брак по расчету.

На лоб упала выбившаяся из-под капора прядь волос. Флора поспешила убрать ее под шляпку и улыбнулась Лахлану. Он подошел ближе и взял ее за руку. Флора с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, когда он сжал ее руку как раз в том месте, где был синяк, появившийся после разговора с отцом.

– На улице холодно, лучше нам вернуться в карету.

– Как скажете, сэ.

– Лахлан, – слишком быстро и жестко поправил он. – Я не хочу быть для вас сэром.

– Очень хорошо. Лахлан. Доброе шотландское имя. Как и Макнейл.

Он кивнул в знак признательности.

Кучер повернулся к ним и протянул еще одну корзину.

– Что это, Баркли?

– Там что-то есть, сэ. Оно шевелится.

Лахлан поставил корзину на землю, расстегнул ремни, чуть приподнял крышку, и в щели сразу показался черный нос, а за ним...

– Бандит!

Теперь ничто не могло заставить ее сдержать слезы. Флора упала на колени и потянула руки к визжащему от восторга терьеру. Она умоляла отца позволить ей взять с собой Бандита, но он категорически запретил. Так кто же?

Бандит вырвался, принялся рыть землю и исследовать новые запахи, а Флора взяла корзину. Внутри она обнаружила сложенный листок бумаги. От увиденного перехватило дыхание.

«Я подумал, что тебе понадобится друг.

Целую. Д.».

Она поднялась на ноги и прижала записку к груди. Дональд бросил вызов отцу. Сквозь пелену слез она увидела, что Лахлан смотрит на нее с интересом.

– Бандит? – Он приподнял бровь.

– Пожалуйста, позвольте мне его оставить. – Если супруг запретит, она ничего не сможет сделать. – Он хороший пес, воспитанный, хотя и совсем молодой. – Весной ему исполнится два года, неудивительно, что он полон энергии. К тому же у него смешные уши – одно торчит, второе чуть прижато, один глаз черный, поэтому пес и получил такую кличку. Как перед такой красотой можно устоять.

Лахлан нахмурился.

– В замке живут кошки. И много домашней птицы.

– Бандиту все это привычно. – Флора вскинула голову, словно защищаясь, нимало не смущаясь неприкрытой лжи.

– Хорошо. Следы, чтобы он не убежал, пока мы обедаем, Баркли.

Лахлан помог Флоре сесть в карету, подхватил корзину с провизией и забрался сам. Усевшись, он достал хлеб, сыр и кварту эля в керамической бутылке. Не найдя стаканов, он растерялся.

– Я не настолько привередлива, чтобы не выпить из бутылки, – пришла ему на помощь Флора и улыбнулась.

Вскоре мир уже не казался ей таким серым. На скулах Лахлана появился румянец.

– Не думал, что мы вот так будем праздновать.

Слова прозвучали грубо, но у нее внезапно появилось желание его успокоить. Она потянулась и коснулась его руки. Они уже сняли перчатки, готовясь к трапезе, и она ощутила тепло его кожи, заметила аккуратные ногти. Сердце подпрыгнуло в груди, стало покалывать кончики пальцев. Лахлан с удивлением уставился на ее ладонь, потом поднял глаза и посмотрел в лицо. Сначала ей захотелось убрать руку, но вместо этого она осторожно провела по ней, поглаживая. В воздухе, казалось, вспыхнули искры.

– Мы можем отпраздновать, когда будем дома, – ласково произнесла она. – Расскажите мне немного о вашем замке. Как, вы сказали, он называется? Вы всегда там жили?

Он медленно потянул на себя руку, освобождаясь от ее пальцев.

– Нет.

Лахлан протянул жене кусок хлеба и сыра, и она приняла с благодарностью, хотя все еще не ощущала голода. Ее больше интересовало, почему он убрал руку.

Открытую бутылку он предложил сначала Флоре. Она сделала глоток и откусила по кусочку хлеба и сыра.

Лахлан запрокинул голову, долго и жадно пил и лишь потом продолжил:

– Я купил его год назад. – В глазах появилась гордость и легкое смущение одновременно. – Это замок Лохмор.

– Лохмор?

Глава 2

Услышав ее возглас, Лахлан удивленно приподнял бровь.

– Отец не сказал вам? Он внимательно его осмотрел, когда мы обсуждали детали.

– Нет, не сказал.

С того дня, как была расторгнута помолвка тети Тессы и герцога, отец часто повторял, что ничто не заставит его войти в дом заклятого врага. Все дело в гордости, а гордость, по словам отца, – это то, чем жители Нагорья наделены в полной мере.

– Я и представить не могла. Как же так, вы ведь Макнейл. Зачем вам родовой замок клана Лохморов?

Неужели отец считал своего рода победой Маккриффов то, что именно его дочь станет хозяйкой замка?

– Клана Лохморов? – Лахлан опять поднял бровь. – Разве Актом не были уничтожены феодальные привилегии?

– Многовековую историю так просто не уничтожить. Клан – это семья. Ни одному правительству не под силу контролировать сердца и умы.

Флора часто слышала рассуждения отца на эту тему, особенно он любил это делать за стаканом виски.

– И все же... почему Лохмор?

– Герцог не занимался замком, его семья не жила там уже много лет, потом в права вступил наследник, который проводил время в путешествиях и не хотел тратить внушительные суммы на содержание, вот и поручил агенту продать его.

– Но это не объясняет, почему вы купили замок? Зачем? К тому же именно Лохмор.

– Вы поели?

Флора кивнула. Лахлан быстро собрал остатки еды в корзину и поставил на сиденье напротив.

– Позовите собаку.

Флора распахнула дверь.

– Бандит! Сюда, мальчик!

Он уже бежал к ней по траве, быстро перебирая короткими лапками и высунув язык. Неуклюже вскочив в карету, он заскользил по полу и остановился, ударившись боком о ногу Макнейла. Тот поджал губы и несколько раз ударил в потолок.

– И это вы называете хорошим воспитанием? – произнес он после того, как пес вскочил на колени Флоры, оперся передними лапами ей в грудь и лизнул в ухо.

– Он просто рад меня видеть. – Она попыталась усадить разыгравшегося пса. – Он скоро успокоится.

Лахлан многозначительно поднял бровь, и Флора поспешила заставить Бандита лечь на сиденье, свернувшись калачиком.

Ее молодой муж откинулся на спинку сиденья и вздохнул.

– Отвечу на ваш вопрос. Я купил замок Лохмор, надеюсь, что это позволит мне войти в круг шотландской знати. Я ошибся.

Он повернулся к Флоре, и от его взгляда по ее спине пробежала дрожь.

– А потом решили жениться на мне? – спросила она почти шепотом.

– Да. Жена из аристократического рода поможет мне открыть двери, которые раньше были закрыты.

Она принялась гладить пса, стараясь сдержать внутреннее волнение. Она рассчитывала, что после замужества ей не придется бывать в обществе, где все знали о скандале с герцогом

Галкирком, – это стало единственным утешением, способным примирить ее с браком. Однако по иронии судьбы Лахлан женился на ней как раз для того, чтобы войти в этот круг.

– А почему так необходимо, чтобы вас приняли в обществе? Чем вас не устраивает класс промышленников? Многие из них богаче аристократов.

– Я ищу не только инвестиции, но и покровительство. – Лахлан подался вперед, оперся локтями в колени, сцепив пальцы, и опустил глаза в пол. – Я купил винокурню для производства виски и вложил деньги в новое оборудование. У меня отличный виски, уникальная смесь солода и зерна. У бизнеса хороший потенциал, мне просто необходимо, чтобы меня признали. Для этого нужны влиятельные покровители, и ваша помощь сейчас очень важна. – Он коротко взглянул на Флору, глаза его сверкнули, и взгляд вновь уперся в пол.

– Но зачем вы купили винокурню, ведь средства необходимы для производства? Можно продать ее, например, немного дешевле, чтобы заинтересовать покупателей. Дать объявление в газете.

– Все не так просто. Мне требуются рекомендации для клубов джентльменов в Лондоне, Эдинбурге, Глазго, это позволит увеличить производство. Для всего этого мне нужны покровители. Эти заведения так устроены, что их владельцев трудно уговорить даже попробовать новое, не говоря уже о постоянных закупках. – Он сокрушенно покачал головой. – Я знаю, что могу добиться большего. Я могу увеличить мощности и производить очень много высококачественного продукта. Для этого мне необходима помощь. Двери, в которые я хочу войти, должны открыться для меня.

Выражение его лица насторожило Флору.

– Вы говорите так, будто это вопрос жизни и смерти.

– Так и есть. По крайней мере, для мужчин и женщин, которые у меня работают.

Как Флора могла понять такое? Ей было девятнадцать, состояние ее семьи за последние годы значительно уменьшилось, но все же в ее жизни не было нищеты, в которой единственный способ выжить – украсть. Лахлан не хотел вспоминать о прошлом, которого стыдился.

– Я выбрал замок Лохмор не просто так, по семейной легенде в жилах вождей клана Лохморов течет и кровь Макнейлов. Приятно иметь дом, к которому ты имеешь отношение, пусть и очень отдаленно.

– Вы принадлежите к ветви клана Лохморов? Вам известно, что Маккриффы их давние враги? – Флора говорила так, будто обвиняла.

– Какое это имеет значение?

Ее даже затрясло от возмущения.

– Земля, по которой мы недавно ехали, всегда принадлежала Маккриффам. До той поры, как король Иоанн Баллиоль передал ее лорду Лохмору.

– Иоанн Баллиоль? Никогда о нем не слышал. Давно это было?

– Полагаю, в тринадцатом веке. Возможно, события давние, но они стали причиной вражды между нами. В Нагорье обиды помнят долго, а то и никогда не забывают. И редко прощают.

Лахлан едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Я не собираюсь принимать в расчет клановые распри и давние обиды, Флора. Меня больше беспокоит настоящее – гибель поместий, несправедливость в обществе, люди, которые живут в крайней нужде.

– Да, меня тоже, – произнесла она и нахмурилась. – Я знаю, некоторым пришлось из-за проблем уехать из Нагорья, но есть и такие вожди кланов, как мой отец, например, которые заботятся об арендаторах. И все же некоторые из них едут даже в Америку и Канаду в поисках лучшей жизни.

А некоторые в Австралию. Он видел этих людей – растерянных, измученных четырехмесячным путешествием. Они с ужасом смотрели на земли, которые настолько отличались от родины, что казалось, они высадились на луне.

– А те, кто не хотел или не смог уехать, перебрались в город, где из-за этого стала уменьшаться оплата труда, а жилье стало найти еще сложнее, – продолжил Лахлан.

Глазго и Эдинбург уже наводнили ирландские иммигранты из-за массового голода и эпидемий в Ирландии, вызванных теми же проблемами с урожаем картофеля, что и в Шотландии, где тоже обстановка была неспокойной.

– Я не верю – нет, я точно знаю, – они не ищут лучшей жизни.

Опасаясь, что разговор заденет его прошлое, Лахлан решил сменить тему.

– Расскажите мне о броши, Флора. Почему вашему отцу она так не нравится?

Она сняла брошь и протянула ему.

– Она не понравилась ему лишь в качестве свадебного украшения. Я нашла ее семь лет назад и с той поры часто надевала.

Объяснение звучало как начало сказки. Лахлан покрутил в руках украшение. Грубоватая работа, на взгляд современного человека, – серебряный диск, украшенный ветками и скрепленными мечами, буквы Р и А.

– Кажется, она очень старая. Я думал, молодая леди захочет носить более утонченные вещи. – Он вернул брошь.

Флора склонила голову и, раздраженно ворча, попыталась приколоть брошь на прежнее место.

– Позвольте мне, – предложил Лахлан.

Руки их соприкоснулись, и оба застыли в нерешительности, не зная, как реагировать.

– Булавка всегда с трудом застегивалась.

Флора поспешила опустить руку, но Лахлан успел заметить, как дрожат ее пальцы. Он склонился ближе, чтобы аккуратно застегнуть булавку. Сверху его окутало теплое дыхание Флоры. Первым желанием было наброситься на нее и впиться в губы; останавливала лишь хрупкость и невинность молодой жены, он не хотел ее пугать.

– И брошь никто не искал? Ее ведь кто-то потерял.

– Нет. Слишком много времени прошло с того дня.

Ну вот, наконец-то. Лахлан отстранился.

– Откуда вы знаете, когда она была потеряна?

Флора посмотрела на него с укоризной.

– Я нашла ее в той части замка, куда ходить запрещено. – Она прикусила губу. – Там мог бывать только отец. А я послушалась и пошла. Брошь валялась в куче... – она помолчала, – в куче старого тряпья.

Желая скрыть смущение, она ласково потрепала за ухом Бандита.

Лахлан редко делился своими мыслями с кем бы то ни было, но откровенный рассказ о том, как Флора нарушила запрет отца, наводил на мысль, что девушка не такая робкая, какой кажется. Лахлан оценивал себя вполне объективно. Он прожил трудную жизнь среди суровых людей, и это сформировало характер – замкнутый и жесткий. Рядом он хотел бы видеть женщину сильную, которая не будет постоянно нуждаться в поддержке мужа.

Во всяком случае, хорошо, что он избежал темы своего темного прошлого, Флоре не следует ничего знать. По крайней мере до тех пор, пока он не найдет Анну.

Уже поздним вечером карета свернула на проселочную дорогу, ведущую через лес к замку. Дубы и березы уже сменили наряд на осенний. Их кроны окрасились в желтый, коричневый и красный цвета. С крутого откоса справа от дороги далеко внизу видна была синезеленая гладь озера.

– Это Лох-Аррис. Мы почти приехали.

– И все же почему вы купили именно замок Лохмор? – спросила Флора. – Почему не другой, один из принадлежащих клану Макнейлов?

Лахлан неопределенно пожал плечами.

– Макнейлам принадлежали земли в Барре, на Внешних Гебридских островах, но мой отец там никогда не жил. А Лохмор достаточно близко к Глазго, где я веду дела. К тому же, как я сказал, Макнейлы – ветвь клана Лохморов. Мне показалось, что это разумно.

Впереди Флора увидела сторожку из серого камня, из трубы поднимался дымок. Рядом, преграждая дорогу, возвышалась квадратная башня.

– Кто здесь живет?

– Грегор и Бренда Фрейзер. Грегор – управляющий на винокурне. Внешняя несущая стена башни сейчас чуть ниже, но я уверен, что все сохранилось таким, каким было изначально.

Они проехали в ворота и оказались, как подумала Флора, на внешнем дворе с конюшнями справа и зданием, похожим на старую часовню, слева. За конюшнями простирались огороды и теплицы, а за ними луга, ограниченные кустарниками и лесом.

Флора вытянула шею, чтобы разглядеть свой новый дом, и увидела еще одну сторожевую башню, а рядом дом из того же серого камня, возвышавшийся над землей на четыре этажа.

Они миновали еще одни ворота.

– Это внутренний двор, – объяснил Лахлан. – Там старая башня. – Он указал на строение внушительных размеров. – И вот еще... – Он повернулся к другому окну кареты. – Здесь был главный зал, первая жена герцога Лохмора переделала его в бальный и построила новое крыло, которое соединило бальный зал с замком.

Проехав по усыпанному гравием двору, карета остановилась, и Лахлан помог Флоре выйти. Только сейчас она смогла оглядеться и вскрикнула, оценив истинный размер замка. Лохмор был раза в два больше Маккриффа. Кажется, даже Бандит был впечатлен и прижался к ее ноге.

К парадному входу вела лестница из трех каменных ступеней под портиком с массивными колоннами. В новом крыле, пристроенном под прямым углом к зданию, окна были больше, а с одной стороны французскими – раздвижными; отсюда можно было выйти на просторную террасу с красивыми клумбами перед ней.

Флора еще раз оглядела массивные стены крепости. Они могли бы выдержать и нападение, и осаду, хорошо, что вражда кланов осталась в прошлом.

Лахлан следил за ней с любопытством.

– Вы никогда не были здесь?

– Нет. Я же говорила, что Маккриффы и Лохморы – давние враги, хотя и предпринимали попытки примириться. Я удивлена, что отец вообще согласился сюда приехать, Маккриффы обладают хорошей памятью и не любят отступать от принципов.

– Я запомню ваши слова, Флора, – произнес Лахлан с улыбкой, и глаза его сверкнули.

Улыбка заставила Флору забыть о прошлом и вернуться к насущным проблемам: муж, который надеется с ее помощью войти в светское общество; огромный замок, требующий больших вложений и сил для поддержания порядка; кроме того, соседям и работникам Лохмора может не понравиться, что хозяйкой здесь стала урожденная Маккрифф.

– Прислугу тоже набирали из клана Лохморов?

– Несколько человек местные, работают здесь давно, а некоторых я привез из Глазго.

– Из Глазго? Но... они ведь ничего не знают о жизни в Нагорье. И о службе в замке.

Лахлан помрачнел.

– Все они родились в этих местах, но принадлежат к разным кланам. Они или их родители были вынуждены переехать в город, когда их выгнали с земли. Возможно, они ничего не знают о жизни в замке, но знают, что такое труд и как зарабатывать на жизнь. Рабочие места

возвращают людям чувство собственного достоинства. – Лахлан помолчал и нахмурил брови. – Мы говорили о том, что я должен развивать производство виски, как раз для таких людей, которые сами зарабатывают себе на пропитание. После потери урожая картофеля в Нагорье тоже придут голод и болезни.

Флора внимательно слушала, но не совсем понимала мужа. Откровенно говоря, она не представляла, что происходит в Шотландии за пределами тех мест, где она выросла. Отец был уверен, что женщины не должны интересоваться политикой и делами. Ей было известно – лишь в общих чертах – об ухудшении финансового положения семьи и нескольких других семей, которые решились уехать. Ей повезло. Она никогда не зарабатывала на жизнь и не голодала.

– Я жду от вас уважительного отношения к работникам.

– Я всегда хорошо относилась к прислуге. И не вижу причины, по которой должна измениться, – с легкой обидой произнесла она.

Флора коснулась украшения; всякий раз, когда она это делала, в ее душе наступал покой. Она вспомнила день, когда пробралась в башню, и то, как солнце внезапно вышло из-за туч, осветив все вокруг и серебряную брошь, блеснувшую в его лучах.

Она внимательно посмотрела на Лахлана. На нем дорогая одежда, золотые часы на цепочке. Перстень-печатка на правой руке. Его уверенность в себе очевидна. Должно быть, он сказочно богат, раз мог позволить себе купить Лохмор.

Его молодая жена выглядит довольно невзрачно рядом с таким блестящим кавалером. Да и прислуга не примет ее в таком виде за дочь благородного графа и новую хозяйку замка. В багаже всего одно вечернее платье, сшитое год назад для выхода в свет во время короткой поездки в Эдинбург. Все остальные – повседневные, ни одно не похоже на те роскошные наряды, о которых она когда-то мечтала. Туалеты, которые она носила в Эдинбурге, остались дома и предназначались Эйлин, которой в следующем году будут искать хорошего жениха, а это стало возможным благодаря приданому, обеспеченному Лахланом.

– Вы готовы?

Муж оглядел ее с головы до ног, и этот взгляд заставил Флору еще раз вспомнить, что на ней потертый плащ, шляпка, знавшая лучшие времена, а к ногам жметесь чудная собака. По лицу Лахлана она не поняла, думает ли он так же. Нравится ли она ему? Немногие мужчины считают рыжеволосых девушек с россыпью веснушек привлекательными.

Если он еще надеется найти покровителей для своего бизнеса, вероятно, вскоре, разглядев ее, поймет, что пользы от жены будет мало. После скандала родители заперли ее дома и запретили появляться в свете. От Дональда она знала, какие о ней ходят слухи, поговаривали даже, что она уже не девственница.

Флора сглотнула горечь. Она замужем, а это ее новый дом. Впереди новая жизнь. Резко выдохнув, она кивнула Лахлану.

– Тогда пойдемте. – Он предложил ей руку. – Добро пожаловать в замок Лохмор, леди Флора Макнейл. Добро пожаловать домой.

Она взяла его под руку, ощутив крепкие мышцы, решительно поднялась по ступеням и прошла в просторный холл. Бандит следовал за ними, не отставая.

В самом центре холла, в стороне от внушительной арки, вверх тянулась широкая лестница, устланная красной с золотом дорожкой. С потолка свисала огромная люстра – поистине роскошная. Со стороны арки послышались шаги, и вскоре перед ними появились высокая, худая женщина и крепкий мужчина, с редкими волосами пшеничного цвета, ростом он был значительно ниже спутницы. За ними следовали два лакея. Серые волосы женщины были собраны на затылке, на поясе форменного платья висела связка ключей.

– Дорогая, – обратился он к жене, – представляю вам миссис Дэлглиш, экономку Лохмора, и Драммонда, нашего дворецкого. – И объявил: – Моя супруга леди Флора Макнейл и ваша хозяйка.

– Позвольте поздравить вас с заключением брака, мистер Макнейл. Добро пожаловать в Лохмор, леди Флора.

Флора никак не ожидала от женщины с суровой внешностью столь радушного приветствия.

Она немного расслабилась и улыбнулась:

– Благодарю, миссис Дэлглиш.

Драммонд поздравил хозяев и отправил лакеев за багажом.

– Оставляю леди Флору с вами, миссис Дэлглиш. Покажите замок и познакомьте с остальными слугами. Мне надо работать, я буду в кабинете, если понадобится. – Лахлан повернулся к Флоре, коротко поклонился и улыбнулся: – Увидимся за ужином, дорогая.

Флора посмотрела вслед мужу, прошедшему в широкую арку, расположенную напротив первой.

«Дорогая».

Никто прежде не пытался быть с ней нежным. Разумеется, она не глупа и понимала, что все это разыграно для слуг. Флора была разочарована тем, что муж не показал ей замок лично, однако повернулась к экономке с доброжелательной улыбкой:

– Не могли бы вы сначала проводить меня в мою спальню, миссис Дэлглиш?

Глава 3

– Я уже распорядилась принести теплую воду, миледи, – произнесла миссис Дэлглиш, повернувшись через плечо к Флоре, когда они поднимались по лестнице. Экономка шла впереди и указывала путь хозяйке. – Горничная готова разобрать одежду и помочь во всем остальном. Если она вам понравится, можете оставить ее личной горничной или выбрать другую по своему усмотрению.

Лестничный пролет странным образом уходил в сторону, уступая место вогнутой стене, явно принадлежащей башне. Флора остановилась и провела по ней рукой, вспомнив день, когда нашла брошь.

– Это башня Мораг, – сказала миссис Дэлглиш, тоже останавливаясь.

– Почему Мораг?

– Там жила двоюродная бабушка герцога Лохмора Мораг, она не покинула башню даже после того, как герцог и герцогиня уехали. Теперь на первом этаже старой башни располагается столовая, гостиная для утреннего отдыха и кухня, оттуда же можно пройти в новую часовню. Правда, не такая уж она и новая, построена в шестнадцатом веке, но на территории крепости есть еще одна, более старая. В замке четыре этажа, сохранились две четырехугольные башни, а также есть новое крыло – двухэтажное. На первом этаже большая гостиная, библиотека, бильярдная и кабинет хозяина. Коридор ведет в бальный зал, он почти всегда закрыт.

Просторная площадка первого этажа с отполированной балюстрадой открывала вид на роскошную хрустальную люстру, а также давала хороший обзор происходящего внизу. Из окна сбоку была видна крыша портика, двор и прилегающая территория.

Миссис Дэлглиш повернула налево, в такую же, как внизу, арку, за которой открывался широкий коридор. По обе стороны множество дверей, на стенах картины.

– Эта галерея ведет к гостевым комнатам и задней лестнице. На втором этаже тоже расположены гостевые комнаты и детские, а выше проживают работники замка. В той стороне, – экономка указала вправо, – покои хозяина.

– Мистер Макнейл говорил, что это крыло построено женой герцога.

– Его первой женой, мэм, совершенно верно. Оно новее самого замка, но и оно было полностью переоборудовано, прежде чем сюда въехал мистер Макнейл.

– Должно быть, работы были проведены значительные.

– Именно так, миледи. Хозяин всем занимался лично, невзирая на трудности, и на траты не скупился. Что я точно могу сказать о нем, так это то, что скупым его не назовешь. Он немногословен и очень много работает, это понятно, ведь столько людей от него зависят. Мы все очень его ценим.

– А где сейчас герцог Лохмор, миссис Дэлглиш?

– Он и герцогиня живут в нескольких милях отсюда, в загородном доме недалеко от деревни Лохмор. После кончины Мораг замок отдали внаем, но его светлость никогда не хотел жить здесь, поэтому решил продать имение. Я жила в Глазго, когда узнала, что мистер Макнейл набирает прислугу. – По лицу ее пробежала тень. После паузы экономка продолжила: – Мой муж уже болел, когда землевладелец решил закрыть нашу ферму, у него не было сил плыть через океан, и мы отправились в город в поисках работы.

– Ваш муж здесь, в Лохморе?

– Да, здесь. На церковном кладбище в деревне.

– О, мне так жаль.

– Не стоит, миледи. Это стало для него лучшим выходом. К тому же он умер счастливым, зная, что я нашла место и не буду терпеть лишения. В Глазго... – Неожиданно женщина рассмеелась. – Что это я! К чему вам слушать о наших страданиях, вы ведь устали с дороги.

Экономка поспешила вперед и остановилась у второй двери слева.

– Тут спальня хозяина. Первая дверь ведет в его уборную. А здесь покои герцогини.

Миссис Дэлглиш распахнула дверь напротив. Флора вошла и тихо вскрикнула. Стены огромной комнаты были затянуты шелком, затканым цветами, преобладали зеленый, бледно-розовый и кремовый оттенки. Роскошная кровать стояла под бордовым балдахином, ему в тон – тяжелые шторы на окнах. Но больше всего Флору потряс вид на море, в стене напротив двери располагались три огромных окна.

– Потрясающе.

– Верно. Но это не самое большое достоинство покоев. Позвольте, я еще кое-что вам покажу.

Экономка прошла ко второй двери в комнате, которую Флора не заметила, и пригласила хозяйку следовать за ней.

– Здесь был будуар герцогини, отсюда открывается лучший вид на море.

Флора прошла следом и остановилась, завороченная. Будуар представлял собой угловую комнату с эркерным окном, у которого стояли кушетка и столик с вазой и букетом цветов.

Клонившееся к горизонту солнце окрасило небо в огненно-багряные, желтовато-оранжевые и розовые цвета. Это великолепие красок отражалось на поверхности моря.

– Кажется... – Флора не могла выразить словами охватившие ее чувства. Она была ошеломлена. – Кажется, будто я на корабле, – наконец произнесла она и подалась вперед, чтобы увидеть, как грозные волны разбиваются внизу о скалы. Далеко-далеко она заметила темные пятна, видимо, островов, которых было немало на западном побережье. – Великолепно!

– Я знала, что вам понравится. – В голосе миссис Дэлглиш чувствовалось удовлетворение. – Прошу сюда, я покажу вам уборную и познакомлю с Мюриэль, горничной, а потом осмотрим замок. Я велела работникам через час собраться в зале, чтобы всех вам представить.

Когда наступило время ужина, голова Флоры уже шла кругом. Она до сих пор была под впечатлением от огромных размеров и роскоши Лохмора. Даже комнаты прислуги на верхнем этаже были отремонтированы – простая мебель, обстановка без излишеств, но чисто и удобно. В отличие от ее отца, уверенного, что слуги обязаны на него работать и быть благодарны за то, что он им платит хоть что-то и предоставляет пусть и спартанское, но жилье, Лахлан, по всей видимости, действительно заботился о людях, которые ему служат.

На первом совместном с мужем ужине ей хотелось выглядеть наилучшим образом, потому она не колеблясь надела вечернее платье из шелка цвета морской волны, отделанное кружевом. Его глубокий вырез открывал плечи, а узкий лиф и пышная юбка подчеркивали тонкую талию. Мюриэль – румяная, круглолицая девушка веселого нрава – уложила ей волосы, следуя инструкциям Флоры, в простую прическу с прямым пробором. Бандит все еще грустил, его не хотелось оставлять одного, и горничная любезно предложила забрать пса на вечер с собой в крыло прислуги.

Ренни – один из лакеев – проводил новую хозяйку в столовую в старой части замка. Из этой комнаты можно было попасть в башню Мораг – единственное место, которое Флора не осмотрела. Она решительно отклонила предложение подняться туда, боясь, что винтовая лестница, пустая комната и тишина напомнят ей о Большой башне в замке Маккрифф.

Войдя в столовую, она увидела Лахлана, стоящего у камина. Высокий, широкоплечий, он выглядел великолепно в черном фраке, жилете в синюю и красную клетку и черной бабочке. Темные волосы блестели в свете канделябров. Он поклонился ей с таким серьезным видом, что Флора взволнованно подумала, чем она могла вызвать недовольство мужа.

Лахлан хотел ей что-то сказать, но запнулся и сделал глоток вина из бокала, который сжимал в руке. Флора ждала подобающего приветствия, и вскоре у нее даже голова закружилась.

– Добрый вечер, Лахлан.

Слова ее прозвучали неожиданно громко. Лахлан нахмурился.

– Добрый вечер, Флора. Надеюсь, вы под впечатлением от нового дома и всего произошедшего?

Под впечатлением? Звучит так, будто он хвастается.

– Да, спасибо.

– Тогда можем приступить к ужину. – Он кивнул Ренни, и тот выдвинул стул на конце стола.

Флора заняла свое место, нервно глядя, как муж устраивается напротив. Она напрасно тщательно продумывала темы для разговора, чтобы больше узнать о Макнейле и при этом не проявить бестактность. Для поддержания разговора на таком расстоянии им придется кричать, никакой беседы не получится.

Лахлан не ожидал, что в присутствии жены будет таким нерешительным. Она настоящая леди, родилась ею и выросла в соответствующей обстановке. А что ему известно о леди? Как с ними следует обращаться? Когда он увидел входящую в столовую Флору, его сердце забилося так сильно, будто готовилось выпрыгнуть. Красота молодой жены ошеломила его, и он едва смог поднять бокал вина. Роскошные волосы цвета меда, длинная шея, кожа молочного оттенка, восхитительные плечи, подчеркнутые тонкой тканью платья. Ему захотелось коснуться губами ее безупречной шеи, провести кончиком языка по линии плеча... Желание лишило его дара речи. Он попытался представить, как она выглядит без одежды. Увидит ли он ее когда-нибудь обнаженной, или такая утонченная леди предпочтет заниматься любовью в длинной рубашке и в полной темноте?

Флора проявила инициативу прежде, чем он нашел в себе силы заговорить и приветствовать ее. Их краткий диалог заставил Лахлана почувствовать себя невоспитанным хвастуном. Безобидный, на его взгляд, вопрос прозвучал совсем не так, как он рассчитывал.

«Надеюсь, вы под впечатлением!» Он пожалел об этой фразе сразу же, как только слова слетели с языка, но сказанного, как известно, не воротишь.

Проведя четыре года на каторге в Новом Южном Уэльсе, он заслужил разрешение на досрочное освобождение, позволявшее остаться и работать на себя. Лахлан много трудился, и не только для того, чтобы сколотить состояние, но и чтобы получить знания и манеры, которые помогли бы общаться на равных с джентльменами. Им двигало желание вернуться на родину успешным человеком.

Как оказалось, во всем этом не было смысла, ведь ни один благородный мужчина не позволил себе в его адрес больше, чем просто кивок при встрече. Лахлан отлично понимал, что лорд Абервильд согласился на его брак с Флорой лишь потому, что находился в отчаянном финансовом положении. И теперь молодая жена, за которую он так щедро заплатил, смотрит на него с тем же пренебрежением, что и все остальные люди ее круга. А она ведь еще не знает о худших страницах его жизни. Расскажи он ей о своем прошлом, она бы презирала его, как, впрочем, и любая другая порядочная женщина. Как Джессика. Когда до нее дошли слухи о его судимости, она даже не попыталась скрыть отвращение к нему и бросила в тот же день.

Они с Флорой сидят слишком далеко друг от друга, что весьма странно для первой совместной трапезы.

Лахлан быстро справился с черепаховым супом и взял кусок оленины – как всегда, великолепно, – когда заметил, что Флора ест без аппетита. У него даже нет возможности поговорить с ней об этом, поскольку по его же настоянию она сидит на другом конце стола, рассчитанного на восемнадцать персон. Он знал, что это правильный вариант рассадки, однако слишком поздно задался вопросом, обязательно ли это для семейных ужинов. Неужели он допустил еще какие-то ошибки, которые озадачили леди Флору?

Она, несомненно, все время думала о предстоящей брачной ночи, и сам он нервничал, поскольку жена была не просто благородной и хрупкой леди, но и девственницей. До сего дня Лахлан легко относился к плотским удовольствиям, но от мысли, что ему предстоит проделать с дочерью графа, да еще своей женой, на лбу у него выступил холодный пот.

Лахлан осушил еще один бокал с вином, стараясь успокоиться. Драммонд поспешил наполнить его. Лахлан выпил залпом и этот. Подали десерт, и Лахлан не без удовольствия наблюдал, как жена отдает должное припущенным сливам с заварным кремом. Наконец ужин, казавшийся бесконечным, закончился. Лахлан поднялся с места и подождал, пока дворецкий поможет встать Флоре.

– Мы будем пить чай в гостиной, Драммонд.

Ему все еще было неловко отдавать приказы, но для того, чтобы стать своим в обществе, к этому надо привыкнуть. Он успокаивал себя тем, что, став богатым человеком, смог обеспечить работой бедняков. Не будь его, им пришлось бы кормиться ловлей рыбы, а это ремесло не так просто освоить, если не привык к нему с детства; еще был вариант уехать в Глазго и работать по четырнадцать часов в шумном и грязном заводском цехе.

Лахлан прошел вдоль стола и остановился рядом с Флорой. Вместо того чтобы предложить ей руку, он поддался порыву и взял ее ладонь в свою. Ощувив, как нервно дрожат ее пальцы, он улыбнулся и ободряюще кивнул:

– Пойдемте.

Чай в гостиной уже был накрыт. Флора принялась наполнять чашки, а Лахлан налил себе виски, взяв штоф с серебряного подноса. Надо как-то наладить контакт с женой, прежде чем они отправятся в спальню.

– Очень красивое платье, этот оттенок вам идет.

«И крой подчеркивает фигуру», – подумал он. От мысли о ее теле кровь ударила ему в голову.

Флора оглядела юбку и тихо произнесла:

– Благодарю. Это мое лучшее вечернее платье, его шили в прошлом году к началу сезона, я ездила тогда в Эдинбург.

Лахлан знал, что светский сезон, с его скачками, балами, концертами и прочими развлечениями, сейчас как раз начинается.

Помолчав, Флора продолжала, будто извиняясь:

– Боюсь, остальная моя одежда выглядит старомодной, но у меня есть еще платье для дневного приема, на случай если у нас будут гости.

Он ведь хотел только сделать комплимент, а не напоминать ей о прошлом. Положение ее отца мало чем отличается от проблем многих землевладельцев в Нагорье. Это была первая новость, которую Лахлан узнал по возвращении в Шотландию, – местная знать завидовала его устойчивому положению и богатству. Так что причиной их презрения стало не только его низкое рождение и отсутствие воспитания.

– Выпьте немного, Флора? – Он приподнял хрустальный стакан, любуясь наполнявшей его янтарной жидкостью.

Флора была поражена его вопросом. Неужели он опять сделал что-то не так?

Лахлан почувствовал, что краснеет. Благородные леди не пьют виски?

– Виски моего собственного производства. Винокурня находится возле Баллинорчи, на берегу Лох-Карнмор. Я думал, вам будет интересно попробовать. Если уж предстоит помочь мне найти покровителей, надо знать, что рекомендуешь.

Лахлан налил немного в стакан и протянул жене.

– Сначала горло будет жечь, но потерпите, позвольте раскрыться вкусу.

Она молча взяла стакан, не сводя с него глаз. И выпила. Широко распахнула глаза. Моргнула. Кашлянула. И... улыбнулась.

– Он лучше, чем тот, который пил отец.

– Отец давал вам пробовать виски?

Флора залилась румянцем.

– Разумеется, нет. Отец считает, что крепкие напитки не для дам. Но от этого мне еще больше хотелось попробовать. Мне было шестнадцать. Тогда у меня из глаз полились слезы, я кашляла так громко, что услышала мама.

– И что? Она разозлилась? Наказала вас?

Флора прижала стакан, который держала обеими руками, к груди и опустила голову. Блики света плясали на ее плечах, подсвечивая кожу так, что она казалась фарфоровой.

– Нет. Она только боялась, что отец узнает. Мама ему не сказала. – Она вскинула подбородок. – У отца четкие представления о том, что хорошо, что плохо. Он ждет от семьи полного повиновения и может испортить жизнь, если его правила нарушаются.

– Он бил вас?

Внезапно он ощутил на спине удар плети и будто на мгновение очутился в трюме корабля, перевозившего каторжников.

– Иногда да, но только когда мы плохо себя вели детьми. Бывало, его охватывала ярость, тогда доставалось всем вокруг, мы старались не попадаться ему на глаза. Особенно мама.

В глазах ее мелькнули настороженность и опасение. Ничего, со временем она поймет, что он не похож на графа.

– У виски «Карнмор» более мягкий вкус по сравнению с виски, который готовят, подвергая зерно соложению. Мы же используем перегонный куб Коффи, добавляем соложенный ячмень к не соложенному зерну, например пшенице, для купажа. Такой способ делает процесс быстрым и дешевым, но готовый продукт получается высокого качества. Я долго экспериментировал, смешивал, пока не получил лучший результат.

Глаза Лахлана горели, лицо покраснелось от азарта.

– Простите, что докучаю разговорами о бизнесе.

– Нет! – Она коснулась его руки. – Вовсе не докучаете. Мне... мне приятно, что вы захотели со мной поделиться.

Он поймал себя на мысли, что сейчас ему легче всего общаться с молодой супругой за все время с момента их венчания.

– А где ваш отец покупает виски?

– У члена клана, Сэнди Маккриффа. Он живет севернее, в горах. – Она потупила взгляд. – Вернее, жил до недавнего времени. Он уехал еще летом. Нечем было платить аренду, не говоря о производстве.

Знакомая история.

Флора протянула Лахлану чашку, они сидели молча на диване и пили чай. Видимо, тишина стала угнетать ее. Сделав последний глоток, Флора встала и смущенно улыбнулась, стараясь не встречаться взглядом с мужем.

– Думаю, мне пора. У нас был трудный день.

Раздался приглушенный звон, когда она поставила чашку на блюдце, отвернулась и перенесла ее на поднос. Лахлан не смог удержаться и жадно пожирал ее глазами, отмечая соблазнительные изгибы тела.

Это его жена. Впереди брачная ночь. Он ощутил нарастающее желание и болезненный укол в груди.

– Вам нужно время, чтобы подготовиться? – хрипло спросил он и поспешил откашляться. – Я скоро приду.

Флора резко побледнела, веснушки стали видны отчетливее на белом как бумага лице. Она кивнула и быстро вышла из комнаты.

Время шло медленно. Лахлан ходил по комнате, то и дело поглядывая на часы на каминной полке. Чтобы заглушить внутренний голос, шептавший, что он недостоин такого подарка, он подошел к подносу и налил себе еще виски. Надо успокоиться и скорее покончить с этим. Переспать с Флорой и подтвердить их брак. Затем, когда она уже будет не девственница, можно заняться более важными делами – их будущим.

Лахлан совсем не хотел пугать юную девушку. Лучше, если она будет ждать его уже в постели.

Допив виски, он вздохнул и решительно направился к выходу.

Глава 4

Мюриэль помогла Флоре снять платье, усадила к туалетному столику и принялась вытаскивать шпильки из прически. Бандит свернулся на кровати в изножье и с интересом наблюдал за происходящим.

– Благодарю, Мюриэль, дальше я справлюсь сама.

Горничная присела и поклонилась.

– Как прикажете, миледи. Хотите, чтобы я забрала Бандита?

Услышав свое имя, терьер поднял голову. Флора встала, взяла песика на руки и прижала к груди.

– Нет.

Оглядев комнату, Флора задумалась. Бандит всегда оставался на ночь в ее комнате, но Лахлан наверняка не одобрит присутствие собаки. Бандит будет спать в будуаре. И его подушка уже там, знакомая вещь поможет Бандиту скорее привыкнуть к новому дому.

– Позвольте, я расчешу вам волосы, мэм?

– Не стоит, благодарю.

Перед тем как покинуть спальню хозяйки, горничная отнесла пса в будуар.

Когда за ней закрылась дверь, Флора вздохнула с облегчением. Сейчас ей необходимо хоть на короткое время остаться одной. Приготовиться – морально – к тому, что неминуемо должно скоро произойти. Мама предупредила, что ей будет больно, но несколько раз повторила, что нельзя отказывать мужу, надо уступать всякий раз, когда он ее пожелает. На остальные вопросы дочери мама отвечать отказалась, лишь презрительно поджала губы и отвернулась. Флора была растеряна и взволнована. Впрочем, она не раз видела, как это делали животные, и в общем представляла, что ее ждет.

К тому же ей удавалось подслушать шептавшихся горничных, и она знала, что акт – совокупление – может быть даже приятным. Но не всегда. Со слов горничных стало ясно, что они уже накопили некоторый опыт в этом вопросе и не прочь были продолжить.

С другой стороны, она иногда слышала, как отец издает странные звуки, похожие на рычание, а мама потом тихо плачет. Тогда Флора дала себе слово, что ее брак не будет таким, как у родителей. Впрочем, сказать легче, чем сделать. Известно, к чему привел ее отказ герцогу. Она стала изгоем, от нее отвернулись даже те, кого она любила. Будь она сейчас герцогиней, в обществе относились бы к ней совсем по-другому и жизнь была бы намного легче. Но точно не счастливее. Это невозможно с таким человеком, как Галкирк.

В коридоре послышались шаги, стихшие у покоев Лахлана. Флора поспешила снять сорочку, накинула просторное ночное одеяние и затянула шнур на шее. Проведя несколько раз по волосам гребнем, она заплела их в косу, как делала каждый вечер, а потом, поразмыслив несколько секунд, уложила вокруг головы и набросила кружевной чепец. Окинув себя взглядом в зеркало, Флора резко сняла чепец и потянула за ленту в косе, но замерла. Сочтет ли ее супруг это нескромным? Ах, она так мало о нем знает. За стеной в соседней комнате послышались голоса. Флора прыгнула в постель, так и не распустив волосы, и натянула одеяло до подбородка.

Жаль, что у нее нет ночной сорочки красивее, в которой она могла бы произвести впечатление. Например, шелковой, отделанной кружевом, а не такой – из простого хлопка со скучными пуговицами. Впрочем, у нее не было времени подготовиться даже к венчанию, не говоря о брачной ночи. Оно совсем не было похоже на церемонию, о которой она мечтала: роскошное платье, в котором она так красива, что не оторвать глаз; жених ждет ее у алтаря и смотрит с любовью, она – счастливая – идет по проходу церкви к новой жизни. У нее несколько сундуков

с приданым, модные туалеты, в которых молодая жена благородного супруга будет блистать в свете.

Глупые девичьи мечты. Безрассудные, пустые. Сейчас надо думать о том, как устроить свою жизнь наилучшим образом, учитывая реальное положение.

Лахлан Макнейл – красивый мужчина, хотя и мрачный молчун. Жаль только, что в нем так много таинственности.

Дверь, соединяющая их спальни, отворилась, и в комнату вошел ее муж в парчовом халате рубинового цвета и бархатных тапочках. Встав у изножья, он медленно окинул ее взглядом и нахмурился. Флора вжалась в матрас, будто хотела казаться меньше, и принялась убеждать себя, что надо успокоиться. Ей совсем не хотелось раздражать своего мужа.

И все же не удалось унять дрожь, во рту пересохло, и вкус был такой, словно она жевала пучок сухой травы, один из тех, что висели на притолоке в кладовке дома.

– Я потушу свет, – произнес Лахлан и вздохнул.

Мрак в комнате нарушало лишь пламя огня в камине. Лахлан скинул халат. Флора была шокирована, увидев, что он совершенно голый. Впрочем, он хорошо сложен: широкие плечи, мускулистый торс, узкие бедра и длинные ноги. Она зажмурилась, когда он снял тапочки и подошел к кровати. Почему же он не носит рубашку? Она попыталась расслабиться. Это ее супруг, надо доверять ему, ведь он теперь управляет ее жизнью.

Осторожно открыв глаза, Флора увидела, что Лахлан лежит на спине, закинув руки за голову, и смотрит в потолок. Может, он тоже нервничает?

«Что за глупости, Флора? Он же мужчина, с чего вдруг ему нервничать?»

Однако эта мысль ее немного ободрила. Она осмелилась лечь на бок и посмотреть на мужа.

– Мама рассказывала вам о супружеских обязанностях? – спросил он, говоря почти не разжимая губ.

– Немного, – сглотнув, ответила она. – Я видела животных. А мама говорила, что будет больно.

Он повернулся к ней:

– Только один раз, сегодня. Потом уже нет. Я вам обещаю.

Флора не успела обдумать сказанное, как он уложил ее на спину. Жаркое дыхание обдало лицо, она ощутила тепло чужого тела непривычно близко и сразу закрыла глаза. Губы коснулись ее шеи, и это было неожиданно приятно, хотя немного щекотно. Она едва не рассмеялась, но тут же вспомнила слова матери о том, что леди должна молчать и подчиняться мужу, если не хочет потерять его уважение. Ведь в противном случае она ничем не будет отличаться от самки животного. Флора попыталась думать о чем-то отвлеченном, но получалось плохо. То, что делал Лахлан, вызывало бурю чувств: он провел кончиком языка по ее шее, опустился ниже по плечу, рука гладила ее бедро, а потом легла на грудь. Флора пискнула, когда пальцы стали тереть сосок. Внизу живота стало жарко и влажно, но она сдерживалась изо всех сил, закусив губу от напряжения.

– Расслабьтесь, – раздался голос над ухом. – Я не стану делать ничего, что вам не понравится. Сейчас приятно?

Флора не осмелилась ответить. Ей было приятно, но что подумает муж, если она признается? Видимо, ее молчание он принял за утвердительный ответ, потому что поднял рубашку выше и принялся гладить ее обнаженное тело. Нежные прикосновения усилили дрожь, но она не шевельнулась даже тогда, когда Лахлан провел рукой по внутренней стороне ее бедра. Затем он навис над ней и раздвинул ее ноги.

– Теперь ты готова, – прохрипел он. – Я постараюсь, чтобы все закончилось быстро. Надеюсь, не причиню тебе сильную боль.

Одним толчком он вошел в нее. Изнутри все тело обожгла резкая боль, которая тут же прошла, и через несколько мгновений она ощущала лишь, как что-то пульсирует внутри ее. Флора не издала ни звука и очень собой гордилась. Ей удалось порадовать супруга.

Лахлан двигался все быстрее и громко дышал. Она невольно стала подстраиваться под его ритм и поймала себя на мысли, что получает удовольствие от того, что с ней происходит. Пальцы, к ее собственному удивлению, впились в широкие плечи, а ноги обхватили бедра. Флора осмелилась открыть глаза, не переставая прислушиваться к своему телу. От новых переполнявших ее чувств сжалось горло, из глаз сами собой хлынули слезы. И в этот момент Лахлан громко зарычал над ее головой, сделал резкий толчок и повалился на бок.

Они лежали несколько минут рядом, не касаясь друг друга. Флоре стало грустно и очень одиноко, но она старалась лежать тихо и выровнять дыхание, чтобы не беспокоить мужа.

Наконец Лахлан зашевелился, однако не обнял ее, не сказал, что остался доволен, а она ведь так надеялась на одобрение. Он перекатился на другой край кровати и сел.

– Спасибо. Надеюсь, вам было не очень больно. В следующий раз боли не будет. Спокойной ночи.

Лахлан поднялся, взял халат со спинки стула и накинул на плечи. Постояв недолго у камина, он быстро вышел из комнаты, не сказав ей ни слова.

Флора лежала, смотрела в потолок и думала об одном – как бы не расплакаться.

Утром Флора проснулась, когда в комнату вошла Мюриэль и стала тихо раздвигать шторы. Она села, потянулась, вытянув руки вверх, и зевнула. Удивительно, какой свежей и отдохнувшей она себя чувствует. Последние несколько дней, после того как она узнала, что должна выйти замуж за Макнейла, были периодом нарастающего страха. Теперь же, когда все позади, Флора испытывала невероятное облегчение, к тому же это оказалось не так страшно, как она полагала. Вспоминая прошедшую ночь, она подумала, что, пожалуй, могла бы даже испытывать удовольствие от исполнения супружеского долга, если бы подобное поведение не считалось позорным.

– Доброго утра, миледи. Я принесла вам чай, тост и яйца. А хозяин велел принести вам воду для ванны.

Девушка вскинула голову и повернулась, услышав лай из соседней комнаты. Бандит уже мчался к ним и сразу же запрыгнул на кровать.

– Ванна? – Флора покраснела и спрятала лицо в пушистой шерстке терьера.

– Ах, миледи, не стоит краснеть, ведь это была ваша первая брачная ночь, ванна поможет освежиться. – Мюриэль посмотрела в окно, где яркое небо местами закрывали серые облака. – Если дождь обойдет нас стороной, сможете осмотреть свой новый дом получше.

Флора слушала, не представляя, как себя вести. Мама никогда не позволяла прислуге столь прямолинейные высказывания, да и вообще не одобряла болтовню. С другой же стороны, когда одиночество так тяготит, приятно с кем-то поговорить. Флора сглотнула ком в горле. Она так долго была изгоем в своем доме. Отец не прощал ошибок, а мама, брат и сестры не смели действовать ему наперекор. Теперь семьи нет рядом. Вокруг все чужое и люди незнакомые. Мюриэль никогда не станет ей подругой в полном смысле слова, но может стать неплохой компанией, развеет печаль разговором.

– Я бы с удовольствием все изучила подробно. Скажи, мистер Макнейл завтракает?

– О нет, мэм, благослови его Господь. Он рано уезжает на винокурню, но обещал быть к ужину. Он очень много работает. Кого угодно спросите, всякий скажет. Неудивительно, что он так богат. – Она поджала губы и продолжала шепотом: – Говорят, он нажил большую часть богатства за границей, мэм.

Нет, все же разговоры – это одно, а сплетни – совсем другое. Подобное поведение недостойно леди, как бы она ни хотела больше узнать о муже.

– Ты работала в замке и раньше? До того, как его купил мистер Макнейл?

– Да, миледи. Я родилась в деревне Лохмор. Папа мой рыбак, а мама чистит рыбу и чинит сети. Для меня они хотели лучшей доли, и сестра матушки, которая работала на прежнюю герцогиню, пристроила меня сюда служанкой. Потом замок сдали в аренду, а я получила повышение. – Гордость в ее голосе была очевидной. – Но и представить не могла, что стану личной горничной миледи, просто усердно работала и вот получила по заслугам. – Улыбка девушки внезапно померкла. – Миссис Дэлглиш говорит, что меня выгонят с позором, если вы будете мной недовольны, а ей придется искать более опытную служанку. Вы только скажите, миледи, что хотите? Я все сделаю, правда.

– Хорошо, Мюриэль, непременно скажу.

«Ах, если бы можно было так же просто сказать Лахлану, чего я хочу!»

– Я принесу вам воды, миледи, – кивнула горничная и ушла.

За завтраком Флора размышляла о загадочном мужчине, ставшем ее мужем, и событиях прошлой ночи. Предупреждения мамы нагнали на нее страху, но оказалось, все не так ужасно, даже немного приятно. Интересно, может ли женщина получать удовольствие от исполнения супружеского долга, или это неприемлемо? Несколько раз вчера она ощутила, что испытывает возбуждение, но поведение Лахлана после всего оставило неприятный осадок и разочарование. Ей было одиноко и тоскливо.

– Слава богу, у меня есть ты, верно, Бандит?

Пес сел и склонил голову набок. Флора отломала кусочек тоста, намазала маслом и протянула собаке.

Глава 5

Через час Флора с Бандитом, не отстававшим от нее ни на шаг, спустилась вниз. Ренни открыл перед ней входную дверь, и она благодушно ему улыбнулась.

– На улице прохладно, миледи. Принести вам накидку?

Она была одета в платье из мериносовой шерсти, на плечах шаль с узором пейсли, на голове кружевной чепец с голубыми лентами.

– Благодарю, Ренни, я выйду ненадолго, хочу посмотреть, какая сегодня погода.

Было солнечно и свежо, с моря временами налетал порывами ветер. По крайней мере, нет дождя. Впрочем, жизнь на западном побережье и короткое путешествие на север научили Флору, что все может очень быстро измениться, а осенний проливной дождь обычно начинается внезапно. Она вдохнула полной грудью солоноватый воздух и прислушалась к шуму разбивающихся о скалы волн. Ей всегда нравился шум моря, а здесь, в Лохморе, расположенном ближе к побережью, чем Маккрифф, он слышался яснее и будто заполнял собой все пространство.

– Флора.

Низкий голос заставил ее вздрогнуть. Она с ужасом смотрела на суровое лицо Лахлана, когда он подошел, взял ее за плечи и развернул к себе, даже не взглянув на вертевшегося у его ног Бандита.

– Вам лучше не выходить без накидки, простудитесь.

В груди ее шевельнулась радость: значит, он остался в замке, не покинул Лохмор ради ежедневных дел. Ее муж здесь, рядом с ней. Ей многое хотелось ему сказать, задать вопросы, которые ее волновали, но она боялась разочаровать его своим поведением. Разумнее подождать и лучше узнать характер этого хмурого человека.

– Мне сказали, вы будете целый день на винокурне.

Он посмотрел на нее с прищуром.

– Я собирался уезжать, но меня задержала одна проблема. – Положив руку на ее талию, Лахлан мягко подтолкнул ее к входу. – Если хотите побродить по окрестностям, лучше возьмите с собой сопровождающего. На обрыве и на побережье может быть опасно. Ходит много историй о том, как людей смыло волной в бухте недалеко от озера Лох-Аррис. Течения здесь очень коварные. – Он махнул рукой, указывая на озеро за деревьями, которое они проезжали по дороге в замок.

– Я выросла на берегу этого моря и хорошо знаю, какую оно представляет опасность. Вам не стоит обо мне беспокоиться.

Они вошли внутрь и остановились в холле. Лахлан убрал руки за спину и кивнул Флоре:

– Признаю, был не прав. Но все же я хотел бы просить воздержаться от прогулок к морю, пока не найду время показать вам безопасную тропу к побережью.

Если она решила стать женой, которая во всем и всегда подчиняется мужу, сейчас судьба представила ей шанс начать. Флора сдержала возмущение и спросила, стараясь говорить спокойно:

– И как вы полагаете, когда у вас будет время?

– Завтра. Мы сможем прогуляться завтра. А теперь я должен идти. Увидимся за ужином.

Он резко развернулся на каблуках и вышел, вновь оставив Флору в легком недоумении и растерянности.

Как ей поступить? Смириться или настоять на своем? Волнение сжало ей грудь. Мама никогда не перечила отцу, но Флора не хотела, чтобы ее брак был таким, как у родителей, когда жена не смеет не только высказать собственное мнение, но и иметь его. Похоже, ее ждет именно такая жизнь, если она сейчас уступит Лахлану.

Флора перевела дыхание и отправилась на поиски миссис Дэлглиш. Необходимо обсудить с ней хозяйственные вопросы, а затем дать распоряжения повару относительно ужина.

Когда со всеми делами было покончено, Флора, надев ботинки, теплый капор, перчатки и шерстяную накидку, отправилась с Бандитом осматривать окрестности. Она послушается Лахлана и не спустится к морю, хотя оно и манит с невероятной силой, а прогуляется по прилегающему к замку парку.

Флора шла по дорожке, любуясь причудливыми композициями на газоне, идеально подстриженными карликовыми кустарниками, и восхищалась мастерством садовника. Она миновала старый внутренний двор и направилась к сторожевой башне. Любопытно было бы посмотреть на мистера и миссис Фрейзер. Однако ее ждало разочарование: на стук в дверь никто не ответил. Флора отошла от входа и оглядела крышу. Из трубы не шел дым, значит, дома никого нет.

– Бренда уехала в деревню к дочери, миледи, – раздался за спиной скрипучий голос. – Я могу вам чем-то помочь?

Флора обернулась и увидела пожилого мужчину с обветренным лицом – садовник, с которым познакомилась накануне. Рэб. Да, его имя Рэб.

Бандит бросился к мужчине и был вознагражден лаской – мужчина потрепал его за ухом.

– Нет, спасибо. Вот только... Возможно, вы могли бы показать мне тропинку, ведущую к пляжу.

Мужчина поскреб подбородок, при этом пальцы его почти утонули в густой бороде. Флора не могла понять, в чем причина его колебаний.

– У старой часовни есть калитка. – Он махнул в нужном направлении. – Оттуда можно пройти к пляжу. А если идти вдоль стены, – он повернулся в другую сторону и указал на внешнюю стену крепости, которая соединялась с башней, – можно спуститься к бухте у озера. Но там опасно, миледи, скалы скользкие, волна может нахлынуть и смыть в море.

– Благодарю вас. Туда я отправлюсь в другой день. – Она подняла глаза к небу. Зловещие тучи собирались над замком и уплывали дальше к морю.

– Похоже, будет дождь.

– Да, миледи.

– Еще один вопрос, Рэб: как давно здесь появился парк с фигурами из стриженного кустарника? Я видела картинки в учебнике истории, но не вспомню, к какому времени относят их появление.

Садовник порылся в кармане, достал глиняную трубку и принялся энергично посасывать, несмотря на то что она не горела.

– Это все молодой лорд Гленаррис, миледи. – Он вытащил трубку и принялся размахивать ею в такт словам, будто желая подчеркнуть значимость. – Он тоже прочитал об этом в книгах. Или в каком-то журнале? – Мужчина опять поскреб бороду. – Теперь он известный охотник за растениями, ездит по разным странам и привозит с собой новые экземпляры. Так вот, с его слов, такие клумбы делали с шестнадцатого века, он раздобыл план посадок, принес мне и велел сделать так же.

– Лорд Гленаррис?

– Сын герцога. Он родился здесь, в замке. Мать его, – он вздохнул и перекрестился, – упокой Господь ее душу, была первой супругой их светлости.

– Ах да, понятно. Значит, парк устроил наследник герцога.

– Точно так, миледи. Он очень его любил, хотя уехал вскоре после кончины матери.

Флора попыталась представить, каким был замок в шестнадцатом веке. Новое крыло еще не построили, но что было на его месте? Она поспешила выбросить ненужные мысли из головы. Небо стало темнеть, пора возвращаться домой, а ей хотелось еще кое-что увидеть.

– Благодарю, Рэб.

Флора заглянула в конюшню, погладила лошадей, затем прошла через двор и огород с грядками, где на нее несколько раз нападали курицы, пытаясь клюнуть. Бандит бросился к ним с желанием подружиться, решив, что это игра, и они разлетелись с громким кудахтаньем в стороны. Флора велела псу быть рядом и опасливо огляделась – вдруг кто-то увидит ее и донесет Лахлану. К счастью, во дворе не было ни души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.